

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Кафедра экономической методологии и истории

Л.М. Григорьев

ХРОНОЛОГИЯ РЕФОРМ

Препринт WP11/2006/01

Серия WP11

Экономические реформы конца XX в.:
опыт и уроки новейшей истории

Москва
ГУ ВШЭ
2006

УДК 323
ББК 66.3(2Рос)12

Редакторы серии WP11
«Экономические реформы конца XX в.:
опыт и уроки новейшей истории»
В.С. Автономов, О.И. Ананьин

Г 83 **Григорьев Л.М.** Хронология реформ. Препринт WP11/2006/01. — М.: ГУ ВШЭ, 2006. — 36 с.

Доклад Л.М. Григорьева, декана факультета менеджмента Международного университета, президента Института энергетики и финансов.

УДК 323
ББК 66.3(2Рос)12

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте:
<http://new.hse.ru/C3/C18/preprintsID/default.aspx>.

© Л.М. Григорьев, 2006
© Оформление. Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006

В 1968 г. я окончил экономический факультет МГУ, в 1971 г. стал кандидатом экономических наук и в том же году начал свою трудовую деятельность в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО), став в дальнейшем заведующим отделом и завершив свою деятельность в данной организации в 1991 г. заведующим сектором. А теперь хотелось бы рассказать о том, как я попал в эти реформы и что со мной происходило.

Я думаю, главное, что я должен сделать сначала — предложить удобную хронологию, потому что многие из тех, кто здесь присутствует, родились примерно одновременно с началом реформ и в принципе не могут знать, что тогда происходило. В основном я буду говорить о приватизации и реформах как о процессе формирования институтов, а не о темпах роста, хотя во многом их можно увязать и с экономической политикой политических лидеров. Однако не следует забывать, что решения начальных периодов трансформации определяют ее течение, открывая те или иные пути стихийного формирования реально действующих (возможно, и не объявленных!) институтов. Чем дальше мы идем по пути трансформации, тем больше инерция развития, тем больше мощь сложившихся институтов и групп интересов. Реформы в 1990 г. и реформы в 2000 г. — это совершенно разные истории, так как объекты разные, даже если цели сходные. В начале вы воздействуете на основы общества, при этом создаются экономические институты; потом вы пытаетесь воздействовать на уже сформировавшиеся и, следовательно, сопротивляющиеся институты.

В начале российской (тогда еще советской) трансформации возникла дискуссия о том, что должно быть раньше — макростабилизация, либерализация и открытие экономики или приватизация. Только спустя десятилетие дискуссия трансформировалась в вопрос об институтах и либерализации в широком смысле. На мой взгляд, институты — «хромой верблюд» трансформации — караван не может его обогнать: убежишь — вернут и будет очень больно. Поэтому при исследовании реформ желательно избегать термина «реформа». Если пирамида построена, то ремонт фасада может быть назван реформой четвертого порядка, тогда как закладка фундамента есть реформа первого порядка. Если фундамент непрочный, фасад будет осыпаться раз в полгода.

Начнем по порядку. Нам представляется, что периодизировать российские реформы следует по процессам формирования институтов рынка, крупным макроэкономическим переломам и, в некоторой степени, по переменам в экономической политике. Далее мы будем говорить о раз-

личных аспектах реформ — больше о приватизации, здесь же перечислим их основные этапы:

1. Горбачев—1 (1985—1988 гг.) — «гласность», бюджетный кризис и неудачное «ускорение».
2. Горбачев—2 (1989—1991 гг.) — нарастающий экономический кризис (рост внешнего долга — всем известный сегодня «Парижский клуб»), первые законы и ползучая приватизация, попытки разработать программу реформ.
3. Ельцин—1 (Е.Т. Гайдар): (1992—1994 гг.) — стихийное формирование институтов рынка, включая отношения собственности; острая фаза кризиса и перестройка относительных цен.
4. Ельцин—2 (1995—1998 гг.) — укоренение новых «рыночных» институтов («ранний олигархат»), изнурительное ожидание макростабилизации, пирамида ГКО и рублевый коридор (плюс увеличение внешнего долга).
5. Ельцин—3 (Е.М. Примаков): финансовый крах и кризис 1998—1999 гг.
6. Путин—1 (2000—2003 гг.) — попытка «ремонта капитализма» на ходу, плоские налоги и ожидание модернизации снизу.
7. Путин—2 (2003—2006 гг.) — рост финансовых возможностей страны (нефтедоллары и выплата внешнего долга) и голландская болезнь, ползучее огосударствление и поиск путей модернизации.

1. Перестройка

М. Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС в 1985 г. Ему очень не повезло: вскоре случилась Чернобыльская катастрофа. Затем М. Горбачев инициировал крайне неудачную антиалкогольную кампанию, чем сразу нанес тяжелейший удар не столько по злу, сколько по экономике. Здоровье нации сначала немного улучшилось, потом вернулось в первоначальное состояние, но в бюджете образовалась колоссальная дыра, потому что доходы от операций с вино-водочной продукцией на Руси веками были важнейшей составляющей бюджета (всегда существовал кабацкий налог), как теперь нефтяные экспортные пошлины.

В 1986 г. упали цены на нефть, и Горбачев оказался в тяжелом положении: продолжалась война в Афганистане, доходы упали, одновременно объявили «ускорение», стали ускоряться, т. е. покупать за рубежом оборудование. Это, к слову сказать, хороший урок — увеличение расходов без реформ может вести только к омертвлению средств без эффекта. Часть

оборудования, купленного в те времена, до сих пор лежит на складах, не распакованная и не установленная. Другая часть была установлена и приватизировалась из расчета 1 доллар = 60 копеек, в соответствии с записью в бухгалтерских книгах. Естественно, в процессе гиперинфляции это оборудование совершенно обесценилось. То есть при приватизации (это важный момент для размышлений о будущем) какие-нибудь старые здания шли, предположим, по 100 млн. рублей (в то время 100 млн. рублей — большие деньги), но если там было установлено импортное оборудование, их реальная стоимость составляла 150 млн. долларов. Понимаете разницу между бухгалтерской записью и реальной ценностью? Вот это — момент «ускорения» конца 1980-х гг. в приложении к будущему. Это грубейшая ошибка руководства страны, когда при сокращении доходов от нефти, при сокращении внутренних доходов от алкоголя был увеличен импорт.

В конце 1980-х гг. в стране начался бюджетный кризис, кризис на потребительском рынке, и именно в этот период, когда нехватку ресурсов восполняли увеличением задолженности, возник тот колоссальный долг, который мы сейчас выплачиваем Парижскому клубу. В 1988—1989 гг. я еще не принимал в этом участия, я занимался изучением и анализом мировой и американской экономики. Первый раз я был вовлечен во внутренние дела страны в 1987 г. В 11-м номере журнала «ЭКО» (к 70-летию Октябрьской революции) А. Аганбегян задумал большую «диверсию». Он поместил три статьи: одну о состоянии российской советской экономики, другая была посвящена СЭВ, который на глазах угасал и разваливался, а я опубликовал статью о мировой экономике, написанную с «изяществом» Института мировой экономики и международных отношений. В начале и в конце статьи были необходимые цитаты из Ленина об углубляющемся кризисе империализма — поскольку так полагалось писать. Сейчас это кажется странным, но в те времена так было принято. Но в середине работы были честно представлены все данные о повышении эффективности капитализма, о темпах роста экономики и производительности: у нас они падали, у них — росли.

Напомню, какие анекдоты были в те времена. Без этого невозможно охарактеризовать эпоху. Замечательный анекдот появился приблизительно в 1972 г., я это хорошо помню, поскольку был тогда аспирантом. О том, как К. Маркс явился в Москву изучать реальный социализм: изучал-изучал и попросился выступить на телевидении. Ему говорят: «Нельзя». Тогда не было прямого эфира, все передачи транслировались в записи. Он говорит: «Я основатель марксизма». — «Хорошо, только для вас, одну фразу в прямом эфире». — «Ну что ж, — говорит Маркс, — Пролетарии всех стран! Извините меня, пожалуйста!» Еще один анекдот того време-

ни, второй половины 1980-х гг., когда при М. Горбачеве решили проводить конверсию: на выставке конверсионных товаров представлены два очень дорогих фаянсовых кофейных сервиза — один за 600 рублей, другой за 1200 (а средняя зарплата в то время была 150 рублей). В комплект каждого входят кофейник и шесть чашек с блюдцами. Покупатели спрашивают: «Ну хорошо, но почему они такие дорогие, оттого что они у вас конверсионные? Обычный сервиз стоит 100 рублей». — «Вы не понимаете. Вот у того, который за 600 рублей, нажимаешь кнопку — кофейник взлетает, облетает шесть чашек, наливает и садится на место». — «Ну а за 1200?». — «О, вы не понимаете! Каждая чашка по отдельности взлетает, подлетает к кофейнику, он ее наливает, и она возвращается на нужное место!» Вот такой была жизнь.

Многие, наверное, думают, что в конце 1980-х гг. была какая-нибудь цензура — пожалуй, главная радость тех лет в том и состояла — наблюдать, как цензура исчезает на глазах. Посмотрим, что же я писал в приложении к журналу «Мировая экономика и международные отношения», изданном в 1991 г., в августе. Писались эти строки весной 1991 г., а опубликованы были накануне путча: «Сочетание развала административно-командной системы управления хозяйством, структурного кризиса, грубых ошибок в экономической политике правительства и социально-политической нестабильности вызвало тяжелые последствия в советской экономике. В 1990 г. глубокий затяжной кризис вышел на поверхность. Впервые за последнее десятилетие было официально зарегистрировано падение большинства основных макропоказателей. Валовой продукт сократился...» И так далее. Так что очень демократично и свободно мы описывали тогда развал экономической системы. Кризис начался приблизительно с 1989 г., выражался он в огромной накачке денежной массы в экономику: зарплаты возросли и, соответственно, возросли вынужденные сбережения в Сбербанке. Существенный момент: те деньги, из-за которых плачут пенсионеры того времени, на самом деле не были сбережениями. Это были, в основном, деньги, выпущенные в конце 1980-х гг., которые никогда не были обеспечены товарной массой, на них никогда ничего нельзя было купить. Но людям приятно думать, что у них были деньги.

Примерно в 1988 г. решили начать реформы, поскольку призрак кризиса бродил по стране, назревала потребность в переменах. Я в этом еще не участвовал, а только слышал. Говорят, первая группа реформаторов состояла исключительно из академиков. Вторая — из членов-корреспондентов. На третьей стадии были только доктора, а я, кандидат, принял участие уже в четвертой попытке. Случилось это в конце 1989 г. — с этого момента я живой очевидец и несу ответственность за точность воспоминаний.

Напомню, что к тому времени были приняты два закона, о которых сейчас все забыли, но именно они оказали колоссальное влияние на ситуацию 1990-х гг. Это «Закон о социалистическом предприятии» и «Закон о кооперации». Фактически, на языке теории прав собственности, это была передача прямого контроля и права распоряжения государственным имуществом менеджерам предприятий без установления над ними какого бы то ни было контроля со стороны государства. И началась ползучая приватизация госсобственности менеджерами. До 1988 г. газеты пестрели обвинениями в том, что «менеджер Сидоров построил себе баню из казенных бревен, сына отправил в институт и сам ездит на “Жигулях”». И вот после такого копеечного, мелкого грабежа этим менеджерам дают право делать что угодно. На Западе многие пытались представить плановую систему как тотально коррумпированную, чтобы избавиться от необходимости объяснять распространение коррупции в период трансформации. И хотя история раннего капитализма изобилует примерами разного рода грабежа и коррупции, в начале 1990-х гг. считалось политически некорректно предполагать, что приход демократии и рыночной экономики может сопровождаться «отдельными отрицательными явлениями». Конечно, вывоз капитала и различные махинации с распоряжением собственностью начались еще при социализме, и шли очень интенсивно в 1989—1990 гг., но снятие контроля собственника стало критическим фактором на финальной стадии социализма и в период приватизации: даже коррупция не родится сама по себе.

В конце 1989 г. появилась первая программа выхода из кризиса. Я ее не читал! До сих пор мечтаю увидеть. Написана она была Е. Гайдаром, В. Машицем и Рапопортом где-то осенью и передана М. Горбачеву и Н. Рыжкову. Премьер-министр программу одобрил, сообщил, что он ее использует, и в начале декабря 1989 г. какие-то куски из нее были присовокуплены к обычному плану на 1990 г. И это был первый случай соединения несоединяемых систем (помните, что будет если соединить ужа с ежом?).

В декабре 1989 г. к нам в Институт мировой экономики приезжал Е. Ясин. Собралось человек пятнадцать. Он обратился к присутствующим: «Коллеги! Реформы гибнут, нас не слушают, надо помогать». Я, будучи заведующим сектором мировой экономической конъюнктуры, говорил: «Мы можем применить западные методы». Но сделать это было не просто. До 1990 г. никто в нашей стране не умел делать сезонную очистку рядов. Я привлек специалистов, и под руководством С. Николаенко, ныне работающего в Бюро экономического анализа, они собрали ежемесячную статистику советского промышленного производства, и в январе 1990 г. впервые в истории нашей страны просчитали ряды методами, которые мы

знали из западной статистики. И то, что они посчитали в январе 1990 г., оказалось правдой, потом это никогда не опровергалось: пик промышленного производства был пройден в ноябре 1989 г. Вот это мы установили и в январе сообщили Е. Ясину (он готовил общий анализ): «Пик пройден, дальше все пойдет только вниз».

Итак, в январе 1990 г. выяснилось, что кризис уже идет. Тогда же, в январе 1990 г., как вы знаете, начались реформы Л. Бальцеровича в Польше. Были либерализованы цены; причем в основном цены были либерализованы еще до него левыми, но их слава пропала, все досталось Л. Бальцеровичу. Советский посол из Польши, говорят, слал секретные телеграммы типа «Польша гибнет...». Туда отправилась команда специалистов — В. Машиц, С. Алексащенко, Г. Явлинский, Б. Левин и К. Кагаловский. Что они там написали, можно прочесть в статье С. Алексащенко (журнал «Мировая экономика и международные отношения», № 8 за 1990 г.), которая в значительной степени основана на их отчете. Их мнение, в вольном пересказе, таково: в Польше начались реформы, ничего страшного, цены подскочили, затем упали — словом, жить можно, надо делать нечто подобное и у нас.

В марте 1990 г. к семинару в Австрии мы с С. Алексащенко написали первую когда-либо существовавшую в России работу о приватизации. По возвращении нас всех отправили в Горки писать по приказу премьера очередную программу. Мы работали весь март и апрель, но закончилось это ничем. В мае 1990 г. произошла очередная попытка повышения цен, производство продолжало разваливаться, реформы так и не начались.

2. 400 и 500 дней

В марте 1990 г., когда мы в Горках писали программу, Г. Явлинский показывал мне работу, которая позднее легла в основу его брошюры «400 дней доверия», где были определенные идеи реформ. Одна из них была очень важна для него и состояла в том, что при таком денежном навесе, избыточной денежной массе одним из возможных решений макростабилизационного характера могла бы стать продажа собственности. То есть необходимо дать людям возможность что-то купить, выкачать у них денежную массу, стабилизировать экономику и двигаться дальше. Он отдал эту работу людям из окружения Б. Ельцина, а потом неожиданно появился И. Силаев, стал премьер-министром и внес в Верховный совет России какую-то программу, содержание которой сильно напоминало работу Г. Явлинского. Разразился скандал (газеты писали об этом), который закончился тем,

что в июне 1990 г. было сформировано первое российское правительство, а вице-премьером, отвечающим за реформы, стал Г. Явлинский. В июле-августе М. Горбачев и Б. Ельцин внезапно помирились на короткое время и создали команду, которая потом и стала командой «500 дней». Как это происходило в реальности? Нас пригласили в Архангельское. А в это время уже действовала комиссия по реформам в центральном советском правительстве — комиссия Л. Абалкина (заместителями которого были Г. Явлинский и Е. Ясин). Весь 1990 г. эта комиссия работала, но потом произошел раскол. В Архангельское отправились Е. Ясин, Г. Явлинский (заместители Л. Абалкина) и все специалисты, которые весной участвовали в создании программы реформ. А Л. Абалкин и еще какие-то люди с большими чинами отправились в другое место писать еще какую-то программу. К концу августа напряжение достигло апогея, нам даже стало казаться, что у нас могут эту программу украсть или каким-либо образом стереть с компьютера. То есть появилась идея заговора. И вторую половину августа мы дописывали программу в странной обстановке: на штабной даче (четыре комнаты и терраса), в коридорах дежурили два сотрудника в штатском с каменными лицами, вооруженные автоматами. На всякий случай копию программы держали где-то в Москве, говорили, в каком-то издательстве на дискете. Писалась программа следующим образом: мы все готовили отдельные ее части и два раза в неделю Е. Ясин «собирал» программу — удалял старые части, вставлял новые, редактировал. Фактически, конечно, итоговым формированием программы занимался именно Е. Ясин.

Наша команда осознавала необходимость писать законы заранее. Еще в 1990 г. в августе мы подготовили несколько законов. Вообще было бы интересно, чтобы их кто-нибудь проанализировал и сказал, насколько они были хороши или плохи. Мною лично были написаны два закона о банкротстве. Кто же работал в Архангельском? Шаталин, Петраков, Явлинский, Алексашенко, Вавилов, Григорьев, Задорнов, Машиц, Михайлов, Федоров, Ясин и Ярыгина — всего 12 человек. Много людей помогали нам. У меня есть список, где упомянуто еще 50 человек и организаций. Действительно, помогали все как могли, всем хотелось что-то сделать.

Но, как я уже упоминал, у Н. Рыжкова и Л. Абалкина работала параллельная команда, которая, видимо, полагала, что с другой стороны работает команда мальчишек. Они думали, что мы произведем очередной концептуальный документ страниц на 30, который опять можно будет как «ужа с ежом» соединить, и что-нибудь получится. К нам приезжал Н. Рыжков дружить и мириться, его встретили довольно недружелюбно, не помирились. И неожиданно для всех в сентябре мы закончили эту программу. Я специально на этом останавливаюсь, потому что программа за-

быта совершенно, но она сыграла важную роль в истории всех последующих реформ. В этой программе не было слова «социализм». Все прежние программы, созданные до августа 1990 г., были программами улучшения социализма, планового хозяйства и т. д. Это первая программа, которая полностью расходится с идеей социализма. Особенно мне запомнилась атмосфера тех месяцев, небывалый энтузиазм всех экономистов, предельная интеллектуальная концентрация и желание сделать что-нибудь интересное и полезное для страны. Это был наш «Майдан» — все надеялись, что реформы дадут возможность выхода из кризиса.

Осенью 1990 г. ничего интересного не происходило. К октябрю-ноябрю Г. Явлинский и несколько других людей, которые были в правительстве, ушли из него, потому что никаких реформ не было, а кризис продолжал углубляться. Как я уже упоминал, 1990 г. — это, как минимум, минус 2% ВВП. Это уже видимый кризис, это уже совсем плохо — очереди, проблемы со снабжением. Потребовался еще год кризиса, путч, переход власти, чтобы начать реформы в гораздо худших условиях.

В январе 1991 г. Е. Гайдар создал свой институт. Я остался на должности заведующего отделом в ИМЭМО, а к Е. Гайдару пошел создавать сектор приватизации, там проработал год. Потом была известная павловская денежная реформа, которая окончательно ухудшила ситуацию в стране. Фактически 1991 г. пропал даром. Летом 1991 г. Явлинский пытался написать еще одну программу с несколькими своими людьми и с американцами. Они поехали в Гарвард, июнь-июль работали и написали Гарвардскую программу. Она имела влияние на какие-то отношения в «верхах», но широкой известности так и не получила.

Упомяну еще два события того же периода, для меня важных. 1 июня 1991 г. в «Независимой газете» была опубликована статья Е. Ясина и Л. Григорьева о приватизации. В ней говорилось о необходимости «правильной» приватизации. Мы с Е. Ясиным выступили против «раздачи». И второе, пожалуй, очень важное для меня научное событие: в июне 1991 г. в Стокгольме состоялся семинар Андерса Ослунда, где я выступал с докладом. Позднее он был опубликован в его книге «*Ulterior property rights*» («Скрытые права собственности»). В докладе я объяснял, что к началу предполагаемых реформ собственность в России в значительной мере *de facto* приватизирована менеджерами и поэтому для того чтобы правильно провести приватизацию, сначала, возможно, надо было бы провести национализацию, т. е. отобрать какие-то права, чтобы затем их заново передать. Этот доклад я недавно перевел на русский язык. В качестве подзаголовка я использовал высказывание греческого мудреца, жившего в IV в. до н.э.: «*Even God cannot change the past*» («Даже Бог не может изменить прошлое»).

Хотелось бы отметить, что проблема формирования рыночных институтов, конечно, была весьма недостаточно отражена в работах того времени. Доминирование в мире макроэкономистов создавало странное впечатление, что главное — это правильно провести макростабилизацию — остальное наладится само собой. Конечно, со временем стали клясться в любви и верности институционализму совершенно все. Но очень часто исходный анализ проводится очень слабый — аналитики быстро уходят в «перетряхивание» статистики с мало интересными выводами. Несколько дежурных цитат из учебника институционализма стали необходимым обрамлением эконометрического уравнения, как когда-то цитаты К. Маркса или решений очередного съезда КПСС служили прикрытием для совершенно других видов анализа.

В тот период со мной — стихийным институционалистом — случилась история, достойная памяти как отражающая характер эпохи. Меня пригласили в Италию на виллу Дэсте на озере Комо на конференцию, посвященную реформам в Восточной Европе — невероятно красивое место, особенно после нашего кризиса. И я пытался рассказывать о том, какие проблемы могут возникнуть у нас в ходе приватизации, обосновывал необходимость законов и пр. Аудитория явно скучала, поскольку в той же конференции принимали участие и другие представители России, бодро обещавшие счастливый капитализм в кратчайшие сроки. После выступления ко мне подошел пожилой британский джентльмен, который вел нашу сессию (наверное, неслучайно приглашенный), похлопал меня по плечу и с глубоким сочувствием сказал примерно следующее: «Да вы, батенька, похоже, институционалист...».

3. После путча

В августе 1991 г. произошел путч. В это время я находился в Вашингтоне, а 12 сентября в *New York Times* была опубликована моя статья «Soviets need the unified free market space». Я считал, что распад пространства осложнит формирование экономического механизма, но был не в курсе политических новаций. Вскоре прибалтийские республики вышли из состава СССР. Б. Ельцин взял тогда на себя формально роль премьер-министра: в первом правительстве он был, таким образом, и президентом и премьером. Г. Бурбулис стал его первым заместителем, а Е. Гайдар — заместителем по экономике. И 6 ноября 1991 г. бригада в составе примерно 12 человек, и я в том числе, вселилась в Белый дом. Несколько недель спустя я был назначен заместителем министра экономики и финансов,

создал Комитет по иностранным инвестициям и собирался продавать собственность за большие деньги иностранцам. Поскольку до этого я был заведующим сектором приватизации в институте Е. Гайдара, в течение года после того как я написал первую работу по приватизации, я прочел все, что ранее писалось в мире про приватизацию. И к тому моменту как я оказался в Белом доме, у меня были совершенно конкретные представления о приватизации.

В правительстве Е. Гайдара я проработал до лета 1992 г., примерно девять месяцев, в качестве председателя Комитета по иностранным инвестициям, где я пытался создать абсолютно все то же, о чем сейчас говорят: маленькие зоны вместо больших, ликвидация административных барьеров («в одно окно») и т. д. Но невозможно бежать впереди страны, и когда летом обнаружилась ваучерная приватизация, я, являясь сторонником обычной приватизации и абсолютным противником ваучерной приватизации, сказал Е. Гаюдару, что из этого ничего хорошего не выйдет, и уехал на несколько лет в Вашингтон работать во Всемирном банке. На этом закончилось мое непосредственное участие в реформах в качестве административного деятеля. Ничего хуже пребывания нормального московского интеллигента в роли замминистра быть не может и хуже должности в моей жизни не было. Хотя я и участвовал во всех прочих реформах до сих пор, но это отдельная история.

Но, вернемся к периодизации реформ. Период до появления первого правительства Е. Гайдара и период после — это, конечно, разные стадии кризиса. Важно понять, что 1988—1991 гг. и период после 1992 г. — это разные процессы углубления кризиса в стране (кстати, в разных странах!) и разные реакции правительства и научных кругов, пытающихся выработать пути выхода из сложившейся ситуации. Этап реформирования социализма, на мой взгляд, заканчивается написанием программы «500 дней», а от «500 дней» и далее, особенно с появлением правительства Б. Ельцина — Е. Гайдара — это уже уход от социализма, уход в рыночную экономику со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Итак, 1989—1991 гг. для экономистов — это этап размышлений и поиск реформ, ожидание политической востребованности реальных реформ. Прoшел он в условиях нарастающего кризиса.

Абсолютно убежден, что 1992—1994 гг. — ключевой этап реформ: были отпущены цены, шел процесс приспособления к ситуации, т. е. либерализация хозяйственной деятельности, право назначать цены, свобода экспорта, вообще свобода коммерческой деятельности. Все это привело тогда, с одной стороны, к инфляции, с другой стороны — к очень быстрому изменению цен; скорость относительного изменения цен по отраслям была в

этот период очень высокой. И в этом смысле, наверное, эти три года были периодом приспособления экономики к новым условиям на первом этапе. Кроме того, была принята Конституция, ряд важнейших законов.

В 1993—1994 гг. началась приватизация. Будучи убежденным противником того, как она была проведена, я считаю, что основной ошибкой этой приватизации была чрезмерная деспецификация прав собственности ради скорости, а не скорость ради качества. Свои взгляды по проблеме приватизации я изложил в двух сборных работах: «Программы приватизации 1990-х гг.» (см.: Сравнительный анализ стабилизационных программ 1990-х гг. М.: Фонд Карнеги, 2003) и «Проблемы собственности: от перестройки до передела» (см.: Пути России: двадцать лет перемен / Под ред. Т. Ворожейкиной. М.: МВШСЭН, 2005). Но у меня есть несколько работ 1993—1995 гг., где я прямо высказал свое отрицательное отношение к этой приватизации, поэтому говорить теперь правду легко и приятно. Но, на мой взгляд, проблема была не в том, как быстро раздать, а в том, чтобы сообразить, как потом установить контроль собственника над менеджером, как наладить корпоративное управление после быстрой передачи прав владения. Избранный способ решал только одну проблему передачи, но не решал вторую — создание всей цепочки отношений собственности, особенно контроля (corporate governance). Этот период, собственно, и сформировал основы всего хозяйственного механизма, экономических и в значительной мере политических институтов, институт прав собственности, корпоративное управление. В 1993—1994 гг. была приватизирована большая часть предприятий, мелких и крупных, и в этот период сложились институты рынка, то, что мы называем «новый русский капитализм». То есть вне всякого проектирования сформировались институты рынка, с которыми мы еще поколение промучаемся. Характерно, что в этот период не существовало серьезного законодательства по функционированию корпоративного сектора.

В 1995 г. мы наблюдали продолжение этого периода — знаменитый обмен акций на якобы залоговых якобы аукционах. Часто исследователи пытаются рассматривать эти процессы отдельно друг от друга: «...приватизация была правильная, а аукционы были неправильные». Я думаю, что аукционы были естественным, нормальным и необходимым завершением такой приватизации, потому что нельзя было оставить нераспределенными даром такие важные куски собственности в условиях политической неопределенности. Если вы уже играли в эту игру, вы должны были ее закончить. И они ее закончили, поэтому залоговые аукционы, на мой взгляд, — закономерное явление этого процесса. При этом в результате такого типа трансформации собственности произошла одна вещь,

про которую все забыли. Если говорить о различных программах трансформации начала 1990-х гг., все они предусматривали создание массового собственника, массового акционера, причем массового акционера среди среднего класса, в том числе среднего среднего, бедного среднего, богатого среднего — неважно: среднего.

Вместо этого тип проведенной приватизации создал, прежде всего, финансовую элиту, т. е. сложилось не среднее звено собственников, а верхнее. Это и есть одна из специфических особенностей российского капитализма. С моей точки зрения, основные внутренние черты формировались именно в тот период — *corporate governance* появился оттуда. В последнее время модной стала тенденция исследовать российский корпоративный контроль как появившийся из ниоткуда. Конечно, это не так. Не может корпоративный контроль появиться сам по себе, он — следствие приватизации, проведенной в таких условиях. И фактически к 1996 г., к знаменитым президентским выборам, уже сложились основные финансовые группы, интересы, и все дальнейшее развитие (1996—1999 гг.) проходило на основе «нового русского капитализма».

Голосовали на выборах не по экономической программе. Население было сильно недовольно экономическим кризисом, который непрерывно тянулся с 1989 по 1997 г. В 1997 г. — небольшой перерыв, и снова кризис 1998—1999 гг. Десятилетие тяжелейшего кризиса. Устали все до невыносимой степени.

Конечно, могли быть политические эксцессы, не произошло «подкупа населения» с помощью приватизации. Есть одна хорошая работа «Макиавеллиевская приватизация», хотя она и не про Россию. Там сравниваются две чилийские, две французские, чешская и английская приватизации. И показано, что там та же идея, что и в политическом цикле, т. е. правящая партия проводит приватизацию с дисконтом для своих сторонников. В ходе анализа выясняется, что в пяти из шести случаев после этого ей удается выиграть выборы. Авторы даже не попытались интерпретировать опыт России, потому что получается, что процесс раздачи собственности в России был против интересов тех политических сил, которые поддерживали реформаторов. Получается обратный результат — и не понятно, зачем они это делали. Итак, все самые опасные «камни», о которые эта реформа бьется до сих пор, — были созданы, конечно, на первом этапе реформы — в 1992—1994 гг.

Период 1995—1998 гг. — это мучительное ожидание макростабилизации, замедление падения производства, бюджетный кризис, рублевый коридор при колоссальном долговом заимствовании, создание пирамиды ГКО. С точки зрения развития институтов — закрепление итогов прива-

тизации, формирование олигархата, пик политического влияния новых финансовых магнатов, принятие некоторых важных законов, хотя и с существенными изъятиями. Закончилось все это августом 1998 г., о котором стараемся забыть, и напрасно. Цена за один баррель нефти упала до 8 долларов — даже не верится при сегодняшних ценах в районе 60—70 долларов. Но это как «memento mori» — кончатся нефтяные деньги — что вспоминать будем?

4. Дефолт

В 1996 г. на президентских выборах победил Б. Ельцин. Как известно, с трудом. Ничего особенного вслед за этим событием не последовало, в экономической политике господствовала попытка стабилизации, был введен рублевый коридор. Весной 1997 г. начинаются кризисные явления в Чехии, затем постепенно набирает обороты Азиатский кризис. Осенью 1997 г. в Гонконге проходила годовая встреча Международного валютного фонда, Всемирного банка. Из России на встречу приехали представители Центрального банка, министерства финансов, министерства экономики. Заплывы в гонконгских заливах совершались большими группами очень неглупых людей. В тот период я работал в Вашингтоне, тоже прилетел на эту встречу, плавал вокруг москвичей. И все страшал, что в Азии кризис, портфельный капитал сейчас перестанет идти в Россию, потому что всем страшно. А если портфельный капитал перестанет идти в Россию, ГКО может рухнуть. А мне один уважаемый мной экономист говорил: «Но ведь у нас подъем. Ты просто завидуешь...». А 28 октября, спустя месяц после этого разговора, рухнул российский рынок акций в первый раз, в ноябре начинают уходить деньги Бразилии, Южной Кореи, в декабре МВФ еще пишет успокаивающие релиаии (это потом всплыло из воспоминаний С. Алексащенко): «Это Азиатский кризис — на вас он не повлияет!»

Принимается решение с 1 января 1998 г. не ужесточать вывод капитала из России, а облегчить, чтобы показать, что мы ничего не боимся, у нас все в порядке. Чтобы все на радостях, что мы им разрешаем уходить, решили: «Вот смотрите, они всех выпускают! Давайте к ним за это пойдем назад!» Это тонкое соображение, но противоречит природе людей. С 1 января 1998 г. начинается бегство капитала, правительство из последних сил держит рублевый коридор, занимает где только можно. Приблизительно с октября 1997 г. по август 1998 г. взяли займы около 22 млрд. долларов для поддержания рубля, но тут же их продали по 6 рублей за доллар. Все

эти деньги куда-то исчезали. Заметим, дело здесь не в злоупотреблениях, а именно в характере политики. Ведь правительство так и не решилось в течение года что-либо предпринять для решения этой проблемы, допуская лишь внутренние дебаты.

Осенью 1997 г. я вернулся из Вашингтона в Москву и всю зиму 1997—1998 гг. безостановочно писал записки наверх о том, как проходил Азиатский кризис. Ну а как проходит кризис в азиатской стране? Ведь там клановая система: один двоюродный брат в министерстве безопасности, второй двоюродный брат — в министерстве иностранных дел, он паспорта выписывает, третий — в Центральном банке, четвертый — в бизнесе. Когда тот брат, который в Центральном банке, чувствует, что что-то неладное происходит с национальной валютой, он говорит своему брату-бизнесмену, что пора «уносить ноги». Тот продает национальную валюту, у брата из Центрального банка покупает доллары и с помощью брата, который выписывает паспорта, и брата, который прикрывает отъезд на вокзал, уезжает из страны с валютой. Так организован и действует каждый клан — у нас подобные отношения основаны на дружбе и интересах, а не на родстве. В течение нескольких дней из страны вывозится капитал, и тогда иностранцы, работающие в стране, начинают замечать, что происходит вокруг. Вот это конец. Обычно во всем обвиняют иностранцев, но начинают всегда свои, всегда инсайдеры. Никогда не убегает первым иностранец, он доверчивый, он не понимает, когда надо бежать. Все это мы (в Бюро экономического анализа) аккуратно описали, неоднократно обсудили, всем разослали. Никто на это внимания не обратил.

Конечно, 1998—1999 гг. — это особый период кризиса. Шли тяжелейшие обсуждения проблем макростабилизации, проблемы сбора налогов, к тому же падали цены на нефть. Но поскольку правительство было не готово сокращать целый ряд, в том числе политических, расходов и было сильно ограничено левой Думой, то в этой ситуации оно занимало, занимало и занимало — через ГКО, через евробонды, напрямую у МВФ, пытаясь выскочить из кризиса. Один известный ныне действующий министр еще в марте 1997 г. написал бумагу о том, что ориентировочно через год и 9 месяцев пирамида ГКО рухнет. То есть никакого секрета, что она рухнет, никогда не было. Вслух проговорился А. Илларионов, за что ему досталось некоторое количество славы предсказателя краха, хотя, прямо скажем, он рассказал то, что многие знали.

С точки зрения эволюции реформ, программ и так далее, мне трудно охарактеризовать 1998—1999 гг. иначе как кризисные, потому что, на мой взгляд, к 1996 г. капитализм уже сформировался. И пытался в том состо-

янии, в котором он тогда находился, как-то существовать. Но поскольку продолжалось падение цен на нефть, ситуация была очень тяжелая, правительство в муках формировало бюджет, т. е. как и сейчас, только наоборот: нефтяных доходов не стало и возник дефицит. Очень легко представить: у вас не 5% бюджетного профицита, а 5% дефицита, нефть стоит не 65 долларов, а 15.

Реформы встали — была серьезная угроза паралича платежной системы. Это связано с кризисом банковской системы. Сейчас по некоторым параметрам банковская система наконец-то вышла на уровень 1997 г., хотя понятно, что если мы в 2005 г. вышли на показатели 1997 г., то промежуток в 8 лет просто потерян. Эти 8 лет были, мягко говоря, не совсем эффективно использованы для развития. Ничего нового в экономике не происходило: шла борьба вокруг коридора, налоговых доходов, МВФ и Всемирный банк давали нам деньги при условии, что мы наведем порядок в бюджете. И каждые три месяца они давали нам еще денег, и мы обещали навести порядок в бюджете, тогда они давали нам еще денег и вновь требовали, чтобы мы навели порядок в бюджете; мы немедленно брали деньги, продавали их по 6 рублей и сообщали им, что мы неустанно ведем работу по наведению в ближайшем будущем порядка в бюджете.

Б. Пинто, главный экономист Всемирного банка в Москве, опубликовал в 2000 г. большую статью в *Brookings Economic Papers*, где убедительно показал, что международные финансовые институты продолжали давать нам деньги даже тогда, когда инвестиционные банки (приблизительно с мая 1998 г.) уже поняли, что надо деньги выводить. То есть применение одних и тех же моделей, по которым считают частные инвестиционные банки, привело к тому, что они начали выводить деньги из России, а международные финансовые институты еще продолжали давать их, видимо, жалея нас. Знаменитый транш МВФ в 4 млрд. долларов, который, естественно, был просто продан по 6 рублей и куда-то разошелся, как и все остальные деньги, был дан, по-моему, 21 июля, за 26 дней до дефолта. А последние деньги Всемирного банка — это 800 млн. долларов плюс 800 млн. долларов от Японии на тех же условиях, всего 1,6 млрд. — были одобрены Советом директоров Всемирного банка и даны 6 августа. В этот момент, по отзывам специалистов министерства финансов и Центрального банка, российские банки уже не проводили налогов в казну. То есть произошел коллапс банковской системы, и кто бы какие налоги ни пытался заплатить через банки, банки брали эти деньги и покупали на них доллары для клиентов и друзей. Таким образом, платежная система с 1 августа 1998 г. не работала.

5. Рост есть — счастья нет

Как бы то ни было, после краха мы получили другое правительство — правительство Е. Примакова. Напомню реалии 1998 г.: девальвация рубля в 4 раза — номинальная, в 2 раза — реальная. В 1999 г. России предсказывали крах — падение ВВП на 20%, но этого не случилось — падение составило всего 5%. В 1999 г. начали расти цены на нефть и осенью начался экономический подъем, который объясняется, на мой взгляд, рядом факторов: списание всех долгов (частично они были реструктурированы для предприятий, а главное, обесценены в долларах в результате девальвации), запас мощностей и высокие цены на нефть. Часто забывают про списание долгов. Вспомните первый период после краха, 1999 г., все были ошеломлены, ждали кризиса, но к осени вдруг начался рост. Напомню, что В. Путин стал премьером летом 1999 г., именно в тот момент, когда ситуация в стране была очень сложной. Во-первых, обострилась чеченская проблема, во-вторых — у него не было денег, поскольку цены на нефть были еще низкие. Но с осени 1999 г. цены на нефть начали расти и постепенно стала подниматься экономика.

Следует упомянуть, что при подъеме, как и при падении, поведение российской экономики существенно отличалось от стандартов устоявшейся рыночной экономики. В мае 2000 г. в журнале Европейской экономической комиссии в Женеве все прогнозы относительно России показывали —1...+1%. А мы уже подсчитали, что даже если промышленное производство и ВВП продержатся весь 2000 г. на том же уровне, на котором они были в январе-феврале, то это даст 5% роста (в 2000 г. был, напомню, большой рост). В тот момент никто не верил в подъем России. Кризис в России не стал глубже именно потому, что российская промышленность и реальный сектор не были связаны с банковской системой, поэтому коллапс банковской системы как кредитующей не повлиял на нашу промышленность, тогда как в азиатских странах был типичный среднекапиталистический кризис, где раздутый финансовый сектор и колоссальное перекредитование на базе недвижности привели к тяжелому кризису ВВП на уровне 15—20%. В развитых странах это произошло в 1929 г., а в Азии только в конце 1990-х гг.

Фактически пореформенный период к концу 1999 г. прошел два этапа и крах. Следующий после кризиса период — до 2003 г. Здесь работала так называемая «программа Грефа» 2000 г., базировавшаяся на некоторых работах экспертного сообщества. Можно сказать, что программа 2000 г. — это попытка ремонта российского капитализма на ходу. Логика

была такова: сложились какие-то институты, они, хотя и плохо, работали, давайте-ка мы их починим на ходу. Вот это, на мой взгляд, попытка реформ 2000—2003 гг.

Следовало бы отметить особенности послекризисного роста российской экономики. 1999 г. — небольшой минус, но с осени рост, 2000 г. — рост, 2001 г. — по-моему, какой-то безумный рост, чуть ли не 11%. Казалось бы, сам факт роста — это уже замечательно, его ждали фактически с 1989 г. В декабре 2002 г. я это сформулировал так: рост есть, а счастья нет! Как показали расчеты Ассоциации независимых центров экономического анализа, норма накопления у нас составляет всего 19—20%. Во всех развитых странах — 24—25%, в тех, которые интенсивно развиваются, — около 30%. У нас все пошло в нефть, в торговлю. А в инновации — не пошло, в машиностроение — не пошло. Понятно, что для подъема страны этого мало. Поэтому первый период после краха — программа 2000 г. — это небольшое либеральное изменение экономических институтов в расчете на то, что в ходе экономического роста само собой все образуется.

Конечно, рост продолжается уже шестой год, но норма накопления по-прежнему около 20%. Рост есть, но он потребительский, потому что проценты роста накопления чуть выше, чем рост ВВП и потребления, этого недостаточно. Общее падение ВВП в период 1990-х гг. составило примерно 36%. Падение такое же, как во время Великой депрессии в США. Потребление, общее и личное, упало на 20%, и мы прошли уже, год или два назад, уровень 1990 г. по реальному потреблению.

Теперь, конечно, в стране совершенно иная социальная структура — «латиноамериканское» неравенство. За 10 лет мы сделали скачок из квазиэгалитарного в «бразильское» общество, поэтому понятно, что велика неравномерность, но восстановление абсолютного объема мы все же прошли. Правда, объем инвестиций сократился в 4 раза, до 25% от прежнего уровня. Тот уровень был нездоровый, но и сегодняшних 33—34% мало. После пятилетнего 10%-го роста инвестиций мы могли бы выйти на 40%, что соответствовало бы норме накопления примерно в 25%.

Так что после краха можно выделить два периода: 1999—2003 гг. прошли в надежде, что рост приведет к решению проблем модернизации снизу на базе новых институтов рынка. С тех пор выросли и цены, и доходы, а модернизация все не идет. С 2003 г. всех не покидает ощущение, что целый ряд крупных проблем не решается. Я бы сказал, дело М. Ходорковского в какой-то степени является политическим символом перемены настроений: что-то должно идти по-другому. Хорошо это или плохо, но, возвращаясь к периодизации российских реформ, я думаю, что послекраховой период мы должны делить на две части — 1999—2002 гг. и далее с 2003 г.

Мы можем его делить чисто политически: «до Ходорковского», «после Ходорковского» и т.п. Но с точки зрения осознания результатов реформ, краха и подъема, анализа всего происходящего возникает ощущение, что надо что-то сознательно делать. До 2003 г. это вроде бы неплохо получалось само, а в последние год-два сложилось убеждение в необходимости что-то еще делать, то ли включать программу государственных инвестиций, то ли что-то иное. Во всяком случае, в последние два-три года стало ясно, что проблемы развития страны — инфраструктурные, образовательные, инновационные — не решаются сами по себе даже при высоких ценах на нефть. Так что идет новый период — попытка найти новые пути развития в условиях роста бюрократии.

Пора подводить итоги. Думаю, мне удалось справиться с поставленной задачей: во-первых, я попытался воссоздать канву событий. Во-вторых, постарался показать, что это все было очень интересно. Мне было интересно в начале 1990-х гг. и по-прежнему интересно сейчас. И сегодняшним студентам кое-что достанется, хотя самое интересное было тогда. И в-третьих, я предложил свою периодизацию, с которой, конечно, можно спорить. Но главное, на мой взгляд, — осознать, что тот капитализм, который у нас есть сейчас, заложен в 1992–1994 гг., в тот 3–4-летний период, когда одновременно шли процессы гиперинфляции, приватизации, создания первых законов. Все то, что случилось потом, происходило под воздействием складывавшихся отношений собственности и корпоративного контроля и под воздействием сильнейших групповых интересов тех социальных, политических и финансовых групп, которые выиграли свой раунд в этой ранней реформе. И дальше любую политику, правильную или неправильную, можно проводить только с учетом этих интересов. С 1994–1996 г. в России практически не может быть реформаторской политики «в чистом поле». Это уже проблема реформ в условиях сложившихся групп интересов. Сегодня фактически речь идет о втором переходном периоде от нового российского капитализма к нормальному либеральному рынку.

Вопросы и обсуждение

— *Не могли бы Вы обрисовать основные тезисы проведения неваучерной приватизации в России?*

— Очень трудно доказывать необходимость делать что-то мучительное, длительное, скандальное — как у всех, когда можно ничего не де-

лать. Во-первых, ваучерная приватизация в том виде, в котором она у нас проводилась, она единственная, изобретена здесь, в этой стране, для нас. Позиция специалистов Всемирного банка относительно нашей приватизации летом 1992 г. была в общем скептична, хотя они поддержали нашу приватизацию специальным займом. Наша приватизация не имеет ничего общего с ваучерными приватизациями в Чехословакии, в других странах, кроме слова «ваучер». Ваучеры использовались в том числе в Англии как способ раздачи небольшого числа акций сотрудникам предприятий, чтобы они не сильно сопротивлялись их переходу из государственных рук. То есть это было средством смягчения сопротивления и социальных последствий, но никак не средством передачи контроля. Так что, строго говоря, хотелось бы увидеть хоть раз в жизни «тезисы проведения ваучерной приватизации».

Ваучерная приватизация в Чехословакии — это компьютерная игра с замкнутыми интересами, которая считается провалившейся. Капиталовложения в Чехословакии пошли позже, чем в Польше и Венгрии, где все, что можно, продали иностранцам. В Польше вообще не проводили массовой приватизации. Они придумали массовую приватизацию и мудро не стали ее проводить, подарив ее нам. Что касается чехов, то основной экономический рост 1990-х гг. держался на 300 предприятиях, которые они продали за хорошие деньги, выведя из ваучерной приватизации. У них это был очень прагматичный, очень гибкий инструмент. И когда они преодолели последствия ваучерной приватизации, примерно лет через пять с лишним после поляков и венгров, у них пошли огромные капиталовложения. Неваучерная приватизация должна, по идее, давать лучший контроль на отдельных предприятиях, исключать криминальный захват хотя бы на стадии первичного распределения, давать доход в бюджет и приводить некоторое (не подавляющее!) число приличных иностранных компаний с опытом. Думаю, мы оттянули подъем на несколько лет, особенно в обрабатывающей промышленности.

Я просто утверждаю, что дело даже не в том, что наша приватизация ваучерная, а в том, что она «грандиозно радикальная» и проведена не очень вовремя. Ее начали проводить летом 1992 г. И уже к сентябрю 1993 г., т. е. через 13 месяцев, все население ненавидело эту приватизацию, таким образом, ее политические результаты были негативными. А социально-политическая логика заключается в том, что если ты хочешь укрепиться у власти и проводить реформы, — раздавай понемногу, создавай себе сторонников. Сложные основы частной собственности надо вводить адекватными методами.

— Вы упомянули два закона: «Закон о кооперации» и «Закон о социалистическом предприятии», после принятия которых началась «ползучая» приватизация, в частности, аренда с выкупом. В этих условиях каким образом, на Ваш взгляд, кроме как поспешным проведением чековой приватизации, можно было остановить эту «ползучую» приватизацию через аренду с выкупом?

— Во-первых, зачем ее было останавливать? Она уже шла — ее надо было оформлять так, чтобы в случае «экономического злодейства» оставалась возможность вернуться к конвенциональной приватизации. Чековая приватизация в тех случаях, когда все получили те же директора, ничего не меняла — они так или иначе контролировали хозяйственную деятельность. Если бы произошло нулевое переоформление всех прав, т. е. всем директорам просто разом выписали бы контракт на управление — такой возможный нулевой вариант — ничего бы не изменилось. Но отдали случайному человеку (а в ряде случаев эти активы получили совсем случайные люди — когда начальник охраны, когда заведующий столовой). Понимаете, дело же не в массовой приватизации. Мелкие предприятия (розницу, машины) можно было отдавать 16 способами, там не работает теорема Коуза. А тут вы получаете предприятия в странной собственности, в странном контроле, причем все крупные предприятия номинально иностранные, поскольку они все полностью принадлежат офшорным организациям (единственная страна, которая умудрилась за несколько лет сделать из своей собственности 100%-й иностранный капитал). В России же нет российских предприятий, они все иностранные. Это только сейчас постепенно начинают всплывать настоящие собственники. У нас создана система «квазискрытого собственника»: собственник всем известен, но юридически это не он, потому что в ряде случаев крупные фирмы принадлежат, например, человеку, который в этой фирме оформлен советником президента. А этого президента и всех «старших офицеров» выбирают на собрании акционеров какие-то юристы с доверенностью от семи офшорных компаний, которые на самом деле принадлежат этому советнику. Иногда он же и менеджер. Все знают, что это он владелец, и он полностью командует, но формально он скрыт.

Сейчас задача стоит так: мы не можем изменить историю, мы можем только анализировать, почему это произошло и что теперь делать. Чего мы точно не можем утверждать, так это то, что реализованный вариант был единственно возможным, потому что, вообще говоря, его не было, его просто специально придумали. То есть нет ни теоретической, ни практической его основы. Предположим, было три варианта. Их обсуждали-

обсуждали и приняли вариант А. Ну хорошо, потом получилось хуже или лучше. В нашем случае ничего не обсуждалось, приняли некоторый вариант. Есть следы скрытых дебатов, очень слабые, я в них участвовал — уверяю вас, что это не дебаты. Последствия этой реформы не обсуждались. Я пытался тогда сказать, что это не самый лучший вариант, и немедленно от этого дела отошел. У меня были в тот момент свои основания полагать, что это неправильно. Есть книга Всемирного банка, изданная летом 1992 г., как раз в момент принятия схемы приватизации, где аккуратно написано, что система массовой раздачи имеет определенные недостатки и «мы ее не рекомендуем». Тем не менее, принимается ваучерная система в России, немедленно весь мир козыряет и говорит: «Ну, для России — отлично!» Потому что иначе как Россию быстро приватизировать?!

Можно сесть и начать анализировать: почему надо сразу все? Если что-то говорили про стратегические предприятия, которые нельзя трогать, то почему они оказались приватизированными? Почему нельзя было сначала приватизировать всю мелкую собственность, а крупные предприятия продавать постепенно? Почему не была воспринята идея передачи части акций крупных компаний в пенсионные фонды? Такая идея была: изначально обсуждалась передача части национальной собственности, которую условно можно было бы считать чем-то принадлежащим старшим поколениям, в пенсионные фонды, от которых потом они получали бы часть дополнительных доходов. Что мы видим сейчас? Мы видим быструю передачу собственности, десятилетнюю борьбу вокруг нее, непрерывное ее перераспределение и отсутствие массового мелкого держателя акций, небольшое количество малых предприятий. Тогда как идея заключалась в том, чтобы передать государственные предприятия, стабилизировать собственника, который бы начал работать, создать слой мелких акционеров и институциональных инвесторов. Вот те идеи, которые были записаны, которые должны были реализоваться в процессе приватизации, но не реализовались. Не перешел контроль от внутренних управленцев к внешним, не произошло усиление в первое десятилетие институциональных инвесторов, не появился мелкий собственник. То есть капитализм сложился совсем не такой, какой предполагался, но с ним нужно жить.

— *Прокомментируйте, пожалуйста, ситуацию по поводу кризиса ГКО и отсутствия реакции государства после этого кризиса по отношению к населению. Насколько я помню, в Аргентине была примерно такая же ситуация, но после кризиса государственных ценных бумаг государство раздало населению акции государственных предприятий. У нас же это*

все мягко замяли и ничего не происходит. И еще один небольшой вопрос. Прокомментируйте, пожалуйста, нынешнее состояние рынка ценных бумаг и, возможно, какие-то тенденции его развития.

— Что касается второго вопроса: в начале следующего года мы планируем выпустить очередную книгу, где эти проблемы рассматриваются. Наш внутренний рынок очень слабый, он не обеспечивает интересов компаний. Я считаю, что правительство недостаточно внимания уделяет развитию финансовой системы. Но это тема для большой дискуссии.

Теперь вернемся к первому вопросу. Я напомним, как выглядел крах 17 августа (17 августа был понедельник, заявления были сделаны утром). Он состоял из трех юридических мероприятий: первое — это отмена коридора и свободно плавающего курса доллара (он скатился с 6 с копейками до 18 рублей за доллар в течение двух недель, а потом скатился до 24 и дальше падал уже до 32; при регулировании он, наверное, падал бы до 12—14 рублей). Второе — это приостановка платежей по ГКО. И третье — приостановка платежей российскими банками иностранцам. Поэтому крах тройной. Это полная отмена той политики по регулированию валютного курса, которая проводилась с момента установления коридора. В предшествующие годы при каждом крахе на рынке акций правительство держало курс, т. е. жертвовало акциями и жертвовало курсом ГКО, но держало курс валюты. В конце концов упал курс. Понятно, почему был введен трехмесячный запрет на выплаты долгов банками, потому что иначе они все просто закрылись бы. Большинство из них осенью 1997 г. взяли большие деньги в долг из расчета валютного коридора 6 рублей за доллар. Если бы они вынуждены были платить в долларах в августе — октябре 1998 г., они должны были бы покупать доллары по 20 рублей, и это означало бы закрытие всей банковской системы. Поэтому третий шаг — это уже спасение банков.

Что касается ГКО: основная масса ГКО в момент кризиса находилась не у населения, она была у иностранцев, у Центрального банка, Сбербанка и у частных банков. Норма процента в 100—150, какая была летом 1998 г., — это ненормальное явление. Я обращаю ваше внимание, что хотя были попытки судиться с российскими агентами, никогда правительства западных стран не предъявляли крупных прямых финансовых претензий по ГКО. Более того, есть один исторический факт: после краха августа 1998 г. состоялась встреча министров финансов G7. И тогда была сделана очень интересная утечка, причем без имени, вскользь, что министры хотят видеть «кровь инвесторов». Дело в том, что западные финансисты понимали, что если идет бешеная спекуляция в стра-

не, у которой отрицательный торговый баланс, отрицательный бюджет, сбор налогов не идет, т. е. в стране фактически финансовый хаос, а люди скупают ГКО в расчете на 100—150% прибыли в месяц, то они рискуют сами. Реально деньги потеряли иностранцы, некоторые посредники, российские банки и организации, которые закрылись. Кто спас деньги: частично эти деньги до сих пор находятся в активах, по-моему, Центрального банка и Сбербанка в большом количестве, и более или менее разумную норму выторговали себе страховые фонды. Страховой бизнес был спасен, но, обращаю ваше внимание, не было единого способа расчета по ГКО.

— *Но на крахе ГКО пострадали реальные вкладчики!*

— Вкладчики пострадали в банках. Это шло по банковской схеме, там кое-что делалось, большая часть, по-моему, была выплачена по номиналу при инфляционных потерях. Но я утверждаю, что по сравнению с масштабами краха ГКО, с этими 150 млрд., большая часть пострадавших — это был либо собственный банк, либо иностранцы. Тем же, кто пострадал в банках, что-то возвращалось через эти банки. Для этого была создана АРКО, там что-то выплачивалось, но не было такого масштаба проблемы. И в частности, я хотел показать, что страховой сектор не разорился, но им дали хорошие обменные условия. Это, кстати, первый случай, когда общественные организации вели тяжелейшие переговоры от имени вкладчиков с Минфином и выиграла эти переговоры.

— *Я как раз думаю, что вопрос этот не до конца проанализирован. Действительно, многие вкладчики фактически не так много потеряли, скорее, они пострадали от инфляции. Но, как всегда, у нас виртуальное гораздо важнее реального. То есть фактически удар, который был нанесен, оказался моральным ударом, который, может быть, намного тяжелее, чем реальные потери вкладчиков. Я думаю, речь должна бы идти об этом.*

— Согласен про моральное и виртуальное, но показываю пример, с помощью которого я активно объяснял осенью 1998 г., почему не у всех все было плохо. Представим себе, что у вас в банке лежит 60 тыс. рублей или 10 тыс. долларов. И дома у вас лежит 10 тыс. долларов, ну не снесли же вы все деньги в банк! И тогда не носили, и теперь не носят. Посмотрим, что происходит при девальвации. При девальвации ваши 60 тыс. рублей в банке превращаются в 3 тыс. долларов, но ваши домашние-то 10 тыс. дол-

ларов превращаются в 200 тыс. рублей. И у вас уже 260 тыс. рублей, хотя в долларах все равно потери.

За первый год после краха рублевые цены выросли на 80%, поэтому покупательная способность 260 тыс. по сравнению с теми 120, которые были раньше, оказалась примерно той же самой в течение полугода после краха. Поэтому те, кто хранили доллары не в банке, а дома, разбогатели, но лишь на короткий период времени. Во всяком случае, потеряли как всегда бедные, маленькие, несчастные, пытавшиеся быстро разбогатеть летом, когда банки стали предлагать перед крахом по 50%, и все, кто понесли доллары в банк и уехали в отпуск, вот они и пострадали, как и в случае с «МММ». Но в целом московский средний класс пострадал не трагически. Существенно пострадал мелкий бизнес.

— Вам не кажется, что на самом деле мир не идеален, кризисы неизбежны и случаются даже в таких странах, как Соединенные Штаты Америки. Вспомним, например, кризис ликвидности 1987 г. Американцы, имеющие достаточно развитый фондовый рынок, тоже допускают очень серьезные ошибки. Представляется, что некоторые ситуации, даже заранее предвидимые специалистами, просто нельзя изменить в силу определенных стереотипов и некоторого хаотичного поведения населения.

— Безусловно, согласен. Во-первых, я всю жизнь посвятил изучению экономических кризисов и циклов и полностью согласен с их полезностью, более того, желаю вам не дремать, готовиться к следующему. Во-вторых, кризисы кризисам рознь: бывают кризисы от незнания и кризисы от сочетания обстоятельств.

Наш кризис 1997—1998 гг. — системный в том плане, что он затронул многие сектора экономики. Правительство предпринимало ряд мер по выходу из предкризисной обстановки, но эти меры были не комплексные. Им препятствовали серьезнейшие финансовые интересы различных групп и слоев. Этот крах во многом искусственный, и он не был предопределен. Как я уже сказал, за год до краха было известно, что пирамида рухнет. Было понятно, как происходили похожие кризисы в Азии. Всю весну 1998 г. в условиях падения торгового баланса и бюджета, роста доходности ГКО было понятно, что происходит. Повторяю, с мая иностранные банки выводили деньги из России. Крах августа 1998 г. в том виде, в каком он произошел, не был неизбежен, в значительной мере определялся, повторяю, финансовыми интересами и нанес тяжелейший удар реформам и развитию страны. Мы и сейчас не вполне оправались от него и еще не скоро оправимся: есть целый ряд параметров, по которым мы до сих пор

не можем восстановиться. Не случайно он попал в масштаб, так сказать, мировых крахов. Поэтому, соглашаясь с Вами в целом, думаю, что ситуацию 1998 г. можно и нужно было изменить. Я бы не списывал этот кризис. Во всяком случае, бразильцы, поглядев на нас, девальвировались, и в январе 1999 г. у них не было краха.

— *Я хочу еще вернуться к вопросу о приватизации. Вы упоминали, что когда Вы работали в правительстве, то предлагали проводить не ваучерную приватизацию, а продавать предприятия иностранцам. Вы и сейчас придерживаетесь такого мнения? И мне кажется, что большие минусы были бы и в таком решении. Ведь бизнес не отделен от правительства, от государства, от власти, и если бы бизнесом владели иностранцы, то уж правительство точно не смогло бы на них влиять, а вот иностранные государства смогли бы проводить свою политику в России.*

— 28 октября 2005 г. у нас в Ассоциации состоялась конференция, и у меня был подготовлен доклад, который я еще не опубликовал, про фобии, мании и утопии. Иностраннный капитал — это одновременно фобия, мания и утопия. С одной стороны, все подозревают, что он хочет нас захватить и будет просто инструментом, игрушкой в руках, скажем, Люксембурга или Виргинских островов, Голландии, ну и США, естественно. А с другой стороны, это постоянная мания: правительство непременно толкует — хотим иностранных инвестиций. А может, нам это уже не нужно. Я был сторонником иностранных инвестиций в 1990-х гг. — сейчас по всему миру объясняю: мы — экспортеры капитала. И в то же время это утопия, потому что, если мы посмотрим прогнозы, в том числе официальные, то когда через 5—6 лет падают цены, образуется дыра в платежном балансе. Как они ее балансируют? Они туда записывают: «А здесь будет 130 млрд. иностранных инвестиций». Откуда они возьмутся?.. Непонятно!

Я был и остаюсь убежденным сторонником того, что некоторая порция культурного капитализма нашей стране не помешает. Я же не предлагал продать все. Венгры, например, продали примерно четверть активов, в основном, немцам. Центральноевропейские страны вливаются в общую европейскую структуру собственности с доминированием, прежде всего, немецкой, австрийской и других. Но, скажем, в капитале польских банков иностранный капитал составляет 60—80%. Речь-то шла совершенно о другом: в 1992 г. бюджетный дефицит составлял 43% ВВП. Стояла очередь иностранных компаний, готовых платить нормальные деньги на переговорной основе за какие-то части предприятий. Приведу классический пример: одно крупное химическое предприятие, расположенное не очень

далеко от Москвы. В 1980-х гг. было оснащено дорогостоящим японским оборудованием (на несколько сот миллионов долларов). В 1992 г. приходит к нам американская компания и говорит: «Мы купили бы». Начались переговоры. Я их водил по начальству. Они хотели купить 25% предприятия, готовы были платить приличные деньги. Но у нас начинались ваучеры, им ничего не продали: «нельзя» — сказали в «кругах», а директор прятался в ожидании своего счастья. Я думаю, они в конце концов потратили около 10 млн. на то, чтобы купить все 80% этих акций через ваучеры. Значит, что вы получаете при отказе от прямой продажи кому бы то ни было: вы сидите в бюджетном дефиците все 1990-е гг., но ничего из принципа не продаете. А что можно было сделать? Можно было продать на 3—4 млрд. долларов по 25% несколько предприятий, у вас был бы культурный капиталист, он бы платил налоги. В итоге все эти предприятия, которые они хотели купить, они давным-давно уже купили. Купили на год позже, за копейки, не заплатив ничего в бюджет.

— Часть предприятий Вы бы продали иностранцам, как я понял. А с остальной частью что бы Вы предложили делать?

— Я готов обсуждать, но здесь мы выходим за рамки истории. Малый бизнес можно раздать любым способом — там быстро все стабилизируется. Все, что стоит дорого и поддается какой-либо оценке и продаже, надо было корпоратизировать и начинать везде, где можно, продавать по чуть-чуть, передавать менеджерам, стараясь избегать покупки ваучеров криминальными элементами, которые сейчас опять основная проблема. Приватизация не должна была пройти таким образом и в один год вызвать столько разочарования — можно было рассчитать последствия. Мы бы не имели сейчас, по крайней мере, некоторых проблем.

— Я так поняла, что идея ваучерной приватизации, как Вы нам популярно объяснили, была политически нерациональна, экономически не обоснована и вообще невозможно найти рациональную причину принятия этой программы. Можно ли считать, что в принципе такой важный момент, который определил дальнейшее развитие, выбран, в общем, случайно?

— Выбран этот вариант приватизации был из некоторой совокупности политических соображений ради скорости, при этом те, кто его изобретал и предлагал, утверждали, что последует утроение дойки коров, ускорение скорости полета «еропланов» и поезда метро будут ездить на од-

ном рельсе. В какой-то момент совпали политические интересы борьбы с коммунизмом через приватизацию, идеи получения собственности или закрепления за собой собственности теми, кто ее уже контролировал менеджерально, т. е. совпало несколько разных групп интересов. При этом нашлись бестрепетные добровольцы с ученого Запада, которые объяснили, что это все будет отлично. Ведь Россия — великая страна, которая привыкла экспериментировать на себе с реформами, ну почему бы не провести еще одну? Так совпало, в этом нет ни малейшей загадки. Я утверждаю, что не было никакого серьезного обоснования предварительно считать, что результаты массовой ваучерной приватизации можно было научно предсказать. У меня есть работа, она опубликована под названием «Приватизация 1990-х гг.», где я просто аккуратно описал, кто что говорил, кто на что надеялся и что из этого вышло, и сравнивал Бразилию, Аргентину и т. д. У нас жадность была использована против социализма. И успешно. Другое дело, что жизнь идет, страну не закроешь, происходит три-четыре передела собственности, в конце концов это все попадает к какому-нибудь хозяину.

— *Изменилось ли Ваше отношение к сбережениям в российских банках с начала 1990-х гг., потом с середины 1990-х и в данный момент?*

— Я все больше доверяю нашим банкам, Центральному банку. Но понимаете, в чем дело: банковские кризисы — это отчасти проблема Центрального банка в борьбе с какими-то плохими банками. Этого нигде и никогда нельзя полностью избежать. А кроме того, это проблема психологии. Нельзя сказать, что это сугубо рациональное явление.

— *В чем, по Вашему мнению, заключается причина неправильного или неадекватного проведения реформ российскими чиновниками — это нежелание их проводить или неумение?*

— Я бы сказал так. Все чиновники в мире одинаковы, поэтому я не думаю, что российские чиновники чем-то хуже всех остальных. Но сложилось определенное общество. Вы понимаете, что тот средний класс, от которого мы ждем демократии, прогресса и прочего, — это реальная комбинация мелкого бизнеса, интеллигенции и государственных чиновников, которые, как вам известно, постоянно конфликтуют друг с другом по поводу налогов. Одни не хотят их платить, другие хотят их получить себе, третьи хотят, чтобы чиновники перераспределили их к ним на науку и университеты. Это же конфликтная ситуация. Это очень странное

общество, вышедшее из тяжелого кризиса с тяжелыми укоренившимися результатами. В ряде случаев чиновничество имеет возможность фактически делать бизнес на государственных должностях. Я не думаю, что, например, в этом случае у них есть какие-то большие проблемы с нежеланием. Я думаю, что интеллектуальный уровень российского чиновничества ничуть не уступает умственным способностям российских интеллигентов и бизнесменов, это одни и те же люди.

— *Можете ли Вы вспомнить какую-нибудь реформу, проведенную в 1990-е гг., как образец, которая была успешной, которая, на Ваш взгляд, достигла своей цели, которую провели, что называется, профессионально?*

— Как ни странно, монетизация, наверное, хотя я ее критиковал. Прежде всего, оцените масштаб этой реформы. Два триллиона денежного навеса в бюджете, а всех выступлений — три демонстрации пенсионеров, да и то только в Москве и Санкт-Петербурге. За одну сотую такой реформы во Франции свалили бы все правительство, страна была бы парализована. Я очень резко выступал по поводу манеры проведения монетизации. У меня была статья где-то в феврале, сразу после реформы: «Спасение монетизации от некомпетентности». Но с другой стороны, если сравнить масштабы проблемы, технику и ошибки, и результаты — это не самая плохая реформа. А главное, она по задумке в общем-то правильная. Технологическое исполнение плохое, политическое оформление неважное, но по замыслам и по результатам, в конце концов, правильная. Причем, проведена тогда, когда большинство населения в состоянии ее проигнорировать.

— *Вы утверждаете, что по результатам эта реформа прошла успешно. Тогда что такое, на Ваш взгляд, благо для государства? Благо его народа или желание собрать как можно больше денег, которые неизвестно каким образом будут потрачены?*

— О монетизации. Забрать побольше у народа вместо того, чтобы дать народу — это общее представление общества о государстве, оно всегда правильное. Что касается монетизации, то это совершенно другая ситуация. В России, как вы понимаете, было два триллиона невыполняемых мандатов. Но их все равно никогда не платили. Монетизация не была проблемой отнятия реально выплачиваемых средств. Она была плохо проведена именно потому, что в ряде случаев создавалось ощущение, будто у людей что-то отняли и ничего не дали взамен. Надо было со всеми

договориться, всем показать. Это очень тонкая социально-политическая работа — показать, что у вас ничего не отняли. Она была проведена очень по-минфиновски, я бы сказал. Вот деньги перечислили, и все, забыли. В этом плане — плохо. Но нельзя отнять того, чего у вас на самом деле нет. Поэтому монетизация не имеет отношения к профициту, монетизация не имеет отношения к сбору большого количества денег и не имеет отношения к народу.

Я могу привести пример с похожей ситуацией в Латинской Америке. В 1980—1990-х гг. там прошла массовая приватизация. Приватизация телефонных компаний — стопроцентный успех везде. Исчезли очереди за телефонами, упала стоимость звонка. Стопроцентный экономический успех для всех сторон — и коммерчески рентабельные компании, и довольные потребители. По электричеству: двойственная система, но в целом успех, и отказа нет. Приватизация воды — провал. Бунты. Почему? Потому что бедный человек льет воду больше богатого, или, по крайней мере, не меньше, и платить коммерческую норму при приватизации водоснабжения не может. Были водяные бунты, и ряд стран, в которых даже не проводилась приватизация, чтобы успокоить своих бедных, немедленно приняли даже конституционные поправки, что нельзя приватизировать водоснабжение.

Здесь нет универсального метода. Единственное, что точно известно: все натуральные льготы, экономически говоря, неправильные. Я, например, выступал с Задорновым в какой-то передаче перед проведением монетизации. У меня был простой тезис. Я сын фронтового офицера, отец у меня хоть и не герой войны, но всю войну прошел, абсолютно всю, у него медаль за оборону Сталинграда, где он остался один живой из батальона. То есть я себе хорошо все это представляю. «Ну, чего привязались, — говорил я, — к 4 тыс. Героев Советского Союза и труда. Оставьте их в покое. Оставьте им льготы — неважно какие». В конце концов, так и было сделано. Это, прежде всего, социальная проблема. Что касается экономики, да, в обществе, сильно дифференцированном по доходам, сделать это трудно, но лучше помогать бедным деньгами на электричество и взимать с богатых полную цену.

— А вот какая это группа пострадавших? Кто эти люди?

— Я вам скажу, кто пострадали — некоторые группы инвалидов: у них отнимали льготы, которых им никогда тоже не давали. Но раньше у них была надежда, например, получить квартиру. В этой очереди они уже стояли не по 10 лет, а по 20 и все равно им бы никогда не дали квартиру, но

ощущение, что у них отняли некое право, вот это было неприятно. Я думаю, что там много чего можно было бы сделать более тонко, но в сумме по деньгам там не было потерь ни для кого.

— *Вопрос касается программы Г. Явлинского «500 дней». Вот сейчас, по прошествии более десяти лет, как Вы оцениваете эту программу? Я хорошо помню, когда она была опубликована. Была ли эта программа на тот момент реальной для исполнения или сейчас Вы ее рассматриваете как утопию? Если она была реальна, то — насколько реальна, с какой погрешностью? И почему она тогда вызвала такое раздражение Н. Рыжкова и М. Горбачева? И если бы все-таки программа была реализована хотя бы на 95%, то каковы были бы последствия ее реализации при пессимистическом и оптимистическом прогнозе?*

— Вопрос понятен и действительно важен для нашего сегодняшнего разговора. Но, во-первых, знаете, для меня конечно 1990 г. — героический. Мне программа нравится, я ее писал, это раз. Во-вторых, она создавалась в условиях только начинавшегося экономического кризиса; еще года не прошло, если считать от пика промышленного производства ноября 1989 г., т. е. она писалась в самом начале последующего падения. Реально Е. Гайдару (спустя год) досталась гораздо более тяжелая картина, просто несравнимо худшая картина. Я свидетель того, как Е. Гайдар в конце 1992 г., будучи вице-премьером, обсуждал с послом одной крупной иностранной державы проблему — в России реально не хватает муки, иностранная держава готова бесплатно поставлять муку, но негде найти доллары, чтобы заплатить штрафы за стоянку в портах той страны наших судов, которые не могут выйти и отвезти бесплатное зерно в Россию. Это же сумасшедший дом! Поэтому все должны понять: любая нормальная программа, скажем, не программа Явлинского, а та же программа Гайдара, запущенная на полтора года раньше — предположим, в августе 1990 г. — дала бы совершенно другие результаты. Август 1990 г. был бы в сто раз лучше для старта реформ, чем январь 1992 г.!

Второе — содержание. Есть книга, написанная под руководством Е. Ясина, — «500 дней Гайдара», в которой Е. Ясин со свойственной ему аккуратностью показывает, что Е. Гайдар сделал примерно то, что написано в программе «500 дней». Разница не так велика. Кроме того, если над нами смеялись, что мы за 500 дней хотим реформировать Советский Союз, огромную страну, то масса вещей, которые по программе «500 дней» собирались делать довольно долго, в реальных условиях Гайдар вынужден был проводить — сознательно или вынужденно — гораздо быстрее. Многие

было сделано быстрее, но, это значит, скорее всего, — хуже, но в других условиях, условиях гиперинфляции!

В-третьих, я вообще не исключаю, что если бы реализация программы началась в 1990 г., может быть, Советский Союз и не распался бы или распался не полностью. Я вполне допускаю, что отделились бы все равно Прибалты, может быть, грузины. Но значительная часть республик, может быть, просто не ушла бы. Зачем было белорусам отделяться, я так и не понял. С тех пор так все и мучаются, хотят остаться.

В-четвертых: я допускаю, что, возможно, были бы допущены другие ошибки. Но если бы реформы начались раньше, было бы больше времени на обдумывание шагов и, может быть, они бы начались при большем консенсусе. Неприятие же программы в сентябре — октябре 1990 г. было понятно. Это была программа завершения социализма и ликвидации всей плановой системы. Я участвовал в нескольких дебатах в Верховном Совете России. Там был замечательный парень лет сорока — директор большого вертолетного завода. И ему очень нравилась идея либерализации цен, то, что он может цены назначать. Ему очень нравилась идея, что он может назначать заработную плату, экспортировать свою продукцию. Все ему очень нравилось, ему одно не нравилось: ликвидация Госснаба. Поэтому, понимаете, не исключено, что тяжелейший кризис 1991 г. сломал какое-то свое дополнительное сопротивление реформам. И рыночные реформы пошли как вынужденные. Думаю, что программа «500 дней» в большей степени была заблокирована политически, чем экономически. Ее интеллектуальное содержание, на мой взгляд, не сильно отличалось от того, что потом делалось. Они в одном русле. Да и люди-то там были почти все те же самые. Половина команды, работавшей над созданием программы «500 дней», потом работала в правительстве. Е. Ясин был министром, В. Машиц был министром, Вавилов был заместителем министра финансов, я был заместителем министра финансов, С. Алексашенко был заместителем председателя Центрального банка, заместителем министра финансов. Да вся команда потом работала в правительстве, это те же люди.

— *Возможно, программа «500 дней» была отвергнута, потому что там не были прописаны все необходимые детали ее реализации?*

— Нет! Не надо воспринимать программу «500 дней» как знаменитое описание Л. Толстым немцев, планирующих в штабе русской армии войну с Наполеоном. Это попытка показать, что это можно сделать. Но при этом я не случайно упоминал, что мы же еще и законы писали. У меня был четверокурсник, мы вдвоем написали два закона. Один по личным банкротствам,

один по банкротствам юридических лиц. Причем была очень интересная борьба: госплановцы, которые потом смотрели, говорили: «Как же так? Фирма банкротится, ее потом покупают и долги списываются при этом. Нет. Кто покупает, должен взять на себя все долги». То есть люди просто не понимали, что происходит, что такое банкротство. Поэтому мне кажется, что программа «500 дней» была трудна политически. Она все-таки была рассчитана на то, что М. Горбачев с Б. Ельциным дружно-мирно устроят нам реформы, Верховный Совет под их влиянием примет наши законы в первый же день, не обсуждая.

В этой программе не было, пожалуй, одного: не было отведено время на обсуждение законов в Верховном Совете. Предполагалось, что все проголосуют сразу «за». Это же специфика социализма! То есть конец социализма путем социалистического голосования. Наверное, таким образом нельзя было начать реализацию программы «500 дней» летом 1990 г. С другой стороны, упущенные полтора года — 500 дней — резко повысили стоимость трансформации!

Комментарии

Овсей Ирмович Шкаратан:

— Вы знаете, у каждого есть свои впечатления о тех днях и о тех годах. Например, писали мы, сидя на 15-й даче в Сосенках во главе с Е. Гайдаром. Его, кстати, никто не назначал, а просто в результате интеллектуального соревнования он выдвинулся как лидер. На другой даче работала команда Г. Явлинского, с которым у меня сейчас намного ближе отношения. Я твердо знал, что мы принципиально отличаемся по подходам от тех, кто сидит на даче с Г. Явлинским, хотя некоторые перебежали с одной дачи на другую.

Это было в сентябре — октябре 1991 г., когда готовилась программа первого постсоветского правительства. Она коренным образом отличалась по одной, прежде всего, центральной идее: мы ни за что не хотим Советского Союза. А на даче, где работала команда Г. Явлинского, по-прежнему утверждали: «Мы сделаем все, чтобы сохранить в более мягкой форме Советский Союз». Потом, когда начало строить идею правительство Е. Гайдара, приезжали туркмены, таджики и просились. Но не просились не только прибалты, не просились и украинцы. В этом состояло первое отличие реальности от «500 дней».

Второе: у всех экономистов есть четкая убежденность, что они как эксперты все и решают. На самом деле происходила удивительная вещь. Одни

мероприятия, законы, решения проходили, а другие так и оставались в кабинете у Е. Гайдара и его помощников. Очевидно, критерий здесь — что выгодно и что невыгодно тем людям. Первоначально была идея именного ваучера... Безымянный ваучер дал возможность спекулировать и скупать предприятия за копейки. Я сейчас говорю о том, что помимо не очень удачной Чехии была удачная Литва в смысле приватизации по именному ваучеру, но не в этом дело. Дело принципиально в том, что вот этого типа изменения были связаны с тем, что эксперты, которые думали, что они у власти, и реальная власть — это не одно и то же. Сейчас, спустя много лет, это можно довольно основательно утверждать.

Вот, скажем, идея возможности привлечения западного капитала и западного менеджмента. Тогда все мечтали, что удастся привлечь десятки тысяч крупных западных менеджеров, велись даже переговоры, что отставные капитаны американской промышленности, не такие уж отставные по возрасту, придут и помогут. А повернулись все события иначе. В чьих руках оказалась та же промышленность? Кто был председателем экспертного совета? Как вы помните, Лобов, а без него ни одна виза не проходила. Кто был руководителем аппарата президента? Бывший первый секретарь обкома Ю. Петров. Словом, мы столкнулись совершенно четко с тем, что помимо экспертного сообщества, которое конструирует идеальные или не совсем идеальные программы, есть социальные интересы элитных групп, которые ломают эти программы, а иногда попросту отправляют их в помойку. Или, наоборот, говорят: «Ура!»

Препринт WP11/2006/01
Серия WP11
*Экономические реформы конца XX в.:
опыт и уроки новейшей истории*

Григорьев Леонид Маркович

Хронология реформ

Зав. редакцией *А.В. Заиченко*
Технический редактор *О.А. Быстрова*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,1. Усл. печ. л. 2,1
Заказ № . Изд. № 629

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3